

**Серия «Новый Политико-Экономический Курс для Казахстана»
Выпуск 1. Казахстан и итоги первых 30 лет**

1. Введение

Назрела острая необходимость осмысленного понимания произошедших в Казахстане за последние тридцать лет изменений. Период с 1991 г. характеризуется эпохальной трансформацией во всех сферах жизнедеятельности, государственного управления, экономики, политики и социальных отношений. В течение примерно 70 лет страна называлась Казахской Советской Социалистической Республикой и являлась по сути одной из многих национально-территориальных административных единиц СССР, с фактически отсутствующим политическим суверенитетом. Последние три десятилетия Казахстан, как государство, развивается самостоятельно в качестве независимой страны-члена ООН.

Если применить известный менеджерский подход, необходимо ответить на четыре основополагающих вопросов: где мы находимся (понимание сложившегося статуса-кво); как мы сюда попали (ретроспективный анализ пройденного пути); куда мы собираемся дойти (идеалы и цели страны); как мы собираемся достичь поставленных целей и идеалов (различные национальные проекты и правительственные программы). В данной - вводной части всего проекта - предпринята попытка ответить на первые два вопроса. Методологической основой исследования является макро-системный и исторический анализ с точки зрения критической политической экономии.

Главные характеристики, определяющие политическую экономию Республики Казахстан, являются доминирование неолиберальной социально-экономической модели развития и рентный характер ее экономики, обусловленный зависимостью от экспорта природных ресурсов. В данной части

представлен анализ процесса неолиберализации казахстанской экономики и социально-экономических отношений, а также все возрастающая зависимость Казахстана от эксплуатации природных ресурсов, когда «ресурсное проклятие» стало реальностью для страны. Таким образом, деиндустриализация страны и ее периферийное встраивание в глобальную неолиберальную модель не-развития являются главным итогом последних тридцати лет.

2. Неолиберальная экономическая идеология и модель

В данной части будут представлены аргументы о доминировании в последние тридцать лет в социально-экономической политике Казахстана неолиберальной идеологии. Начиная с 1990 гг. практически все аспекты реформирования той или иной сферы деятельности были пронизаны идеями «свободного рынка» и базировались на основополагающем постулате о необходимости уменьшения государственного регулирования. В данной работе происходившие в стране изменения рассматриваются в общем контексте продолжающейся эволюции капитализма на глобальном уровне, в особенности, но и не только, в период с 1989 г. – период, ассоциирующийся с падением Берлинской стены и последующим развалом СССР в 1991 г. непосредственно касающийся Казахстана. Во многом, процессы происходившие и происходящие в Казахстане, обусловлены трансформацией той формы регулируемого капитализма, который в той или иной степени существовал в развивающихся и в развитых странах после Второй мировой войны и вплоть до 1970 гг. Именно в этот период богатые страны создали «государство всеобщего благоденствия», при котором между капиталом и трудом сложился некий компромисс и национальный пирог распределялся более менее равномерно. В тоже время в большинстве стран т.н. «третьего мира» проводилась успешная индустриализация и наблюдался динамичный экономический рост, а некоторые, такие, как Азиатские тигры (Южная Корея, Тайвань, Сингапур) даже пополнили ряды развитых стран.

2.1. Подъем неолиберализма: историко-философский контекст

Волна социально-экономических реформ под знаменем неолиберализма, охватившая большую часть мира, началась в 1970 гг. (Saad-Filho and Johnston, 2005; Birch and Mikhnenko, 2010). Реформы, включавшие дерегулирование и

либерализацию экономических отношений, приватизацию государственной собственности и уменьшение роли государства в хозяйственно-экономической деятельности и социальном обеспечении, стали общим трендом для самых разных стран, от бывших советских республик до развитых капиталистических социал-демократий «государства всеобщего благоденствия». Считается признанным, что реализация таких реформ не была бы возможной без «захвата» ключевых позиций на государственной службе, в СМИ, академических и финансово-экономических кругах сторонниками неолиберальной идеологии (Miller, 2010), которых поддерживали такие международные организации, как Международный Валютный Фонд (МВФ), Всемирная Торговая Организация (ВТО) и Всемирный Банк (Peet, 2003).

Идеи и реформы, продвигаемые неолиберальной идеологией, представляют полную противоположность политико-экономической парадигме, установившейся после Второй мировой войны. В целом и на глобальном уровне, и в конкретных странах были созданы социально-политические и экономические институты и механизмы, гарантирующие, помимо прочего, что последствия социально-политических конфликтов не будут угрожать миру и, в случае с капиталистическими странами, самой капиталистической системе. На международной арене такие организации, как ООН, Международная Организация Труда и Всемирный Банк должны были обеспечивать мирное развитие и экономическое сотрудничество в международном мироустройстве, при котором суверенные страны – по крайней мере на базовом уровне и в теории – были привержены принципам социально-экономической справедливости, экономической демократии и защите прав человека (Supiot, 2012). Показательно, что в своей книге известные ученые Роберт Даль и Чарльз Линдблом (Dahl and Lindblom, 1953) утверждали, что так как и нерегулируемый капитализм, и коммунизм потерпели поражение в достижении мира и благосостояния для широких масс населения, основополагающей задачей является построение правильной комбинации государства (в экономическом регулировании), рынка и демократических институтов для обеспечения мирного сосуществования и развития социумов. Во внутренней политике большинство развитых капиталистических стран сделали акцент на формировании институтов, гарантирующих *компромисс между капиталом и трудом*. Данные страны постепенно становятся социал-демократиями, где государство активно

занимается регулированием для обеспечения экономического роста, полной занятости и социальной защиты трудящихся и уязвимых слоев населения. И это независимо от более узкой политической платформы партии, находящейся у власти в конкретный момент, будь то «левая» или «правая».

Со временем академические круги стали использовать такие теоретические концепции, как «встроенный либерализм» (Blyth, 2002) и «Кейнсианский компромисс» (Isaacs, 2011) для описания послевоенного обустройства мира, как уникальной комбинации практик в государственном управлении. Рынок и частные корпорации контролируются и регулируются через экономические механизмы и законодательные нормативы, направленные на защиту социальных и трудовых прав граждан страны. В течение 1950-1960 гг. высокие уровни экономического роста и индустриализации были достигнуты в странах и с высоким и с низким уровнем доходов. При этом одновременно проводились перераспределительная политика при сильных и независимых профсоюзах и контроле за движением капитала, строительство «государства всеобщего благоденствия», поддерживаемый в развитых странах высокими налогами и расширяющимся уровнем государственных расходов.

Одним из главных результатов «встроенного либерализма» в послевоенный период стала тенденция более равномерного распределения доходов и национального богатства. Экономическое доминирование верхних классов постепенно ограничивалось растущим влиянием труда и рабочего класса. Как пример, возможно впервые в экономической истории США и мира доля национального дохода верхнего 1% этой страны упала с 16% предвоенного периода до меньше, чем 8% в послевоенный период и оставалась на данном уровне в течении тридцати лет (Harvey, 2005).

Однако уже к 1970 гг. комбинация таких факторов, как замедлившийся экономический рост, обрушение Бреттон Вудской монетарной системы фиксированных валютных курсов, «стагфляция» и высокий уровень безработицы наложили серьезные ограничения на государственные бюджеты. «Встроенный либерализм» достиг определенных лимитов и новые идеи стали востребованными в условиях усиливающегося экономического кризиса. Для сторонников идеологии неолиберализма наступил их исторический шанс.

Как считает историк экономической мысли Филип Миrowsки (Philip Mirowski), неолиберализм – это «общая философия рыночного общества, а

непросто узкий набор доктрин в рамках экономической теории» (2014: 8).¹ Как политическое движение оно нацеливалось на возрождение прорыночного консерватизма после Второй мировой войны. В теоретическом аспекте оно было усилено неоклассической экономической теорией для продвижения идей об экономической практике, лишенной политических элементов и аспектов, наподобие точным наукам (Mirowski 2005: 89). Как утверждают некоторые ученые, подъем неолиберализма стал результатом, в первую очередь, создания «коллективной мысли» (thought collective), которую можно отследить с начала создания *Общества Монт Пелерин* (Mont Pelerin Society) в 1947 (Mirowski and Plehwe, 2009).

Данное Общество первоначально объединило группу интеллектуалов и ученых из 25 человек из Европы и США, которые встретились в Париже в 1938 г. для обсуждения недавно опубликованной книги журналиста Вальтера Липпманна «Хорошее общество». В книге обрисовывались контуры политического и интеллектуального процесса, которые, по мнению автора, двигались в сторону всеобщего коллективизма и тоталитаризма. Необходимо защитить политические, экономические и личные свободы, которым угрожали коллективизм, социалистическое планирование экономики и регулирование рынка. Либерализм стагнирует с 19 века из-за распространившихся среди разного рода течений коммунистов, социалистов, фашистов, националистов, прогрессивистов и даже либералов идей о якобы направляющей роли правительства в определении вектора цивилизации с применением всех форм насилия (Lippmann, 2005 [1937]: 3). Будущий известный неолиберал Найт составил высокую оценку данной книге за детальное разъяснение конструкции *нового либерализма*, с конкретной программой во многом опирающейся на постулаты свободного рынка. Вторая мировая война задержала создание организационной структуры неолиберальной «коллективной мысли» и проекта до 1947 г., когда первые 60 участников встретились в Швейцарии для создания того, что станет известным под именем *Общество Монт Пелерин*.

Неолиберализм как интеллектуально-политический проект зародился, как верили его первые идеологи, в контексте «упадка либеральной эры», кризиса

---

¹ Здесь и далее по тексту все цитаты переведены с английского на русский язык мною (автор – Акижанов К.Б.).

либерализма (Biebricher, 2018: 14). В течение первой половины 20 века мейнстримовские идеологии коллективизма, центрального планирования, Кейнсианства и протекционизма создавали политическую платформу для подъема «государства всеобщего благоденствия» Кейнсианского типа (страны Западной Европы), прогрессивизма Нового курса (в США) и государственного корпоративизма. Во времена, когда либеральные представления ассоциировавшиеся с *laissez-faire*² капитализмом были в упадке, превалирующие идеи коллективизма должны получить отпор, чтобы спасти капитализм от того, что такие неолиберальные интеллектуалы, как Фридрих фон Хайк, рассматривали как экзистенциальную угрозу. Либерализм необходимо модернизировать, его ценности и качества должны быть ре-интерпретированы, изобретены вновь и переориентированы на создание новой интеллектуальной традиции, способной бросить вызов мейнстримовским идеалам Кейнсианства и государственного регулирования. Такие интеллектуалы, как Хайек, Милтон Фридман и Лионел Робинс успешно сконструировали ложную дихотомию между коллективизмом и либерализмом для представления неолиберализма как новой либеральной идеи и анти-тезис социалистическим взглядам и экономическому интервенционизму государства. Утверждалось, что анти-коллективистские идеи классического экономического либерализма спасут капитализм и предотвратят тоталитаризм и экономический коллапс. В данной конструкции эти беды (тоталитаризм и экономический коллапс) представлялись якобы неизбежным результатом всех форм коллективизма и государственного интервенционизма, уничтожающих политические и экономические свободы (Turner, 2007).

В результате долгих и запланированных усилий по интеллектуальной и политической работе, совмещавших финансовую поддержку и хорошо организованную инфраструктуру, доктрина неолиберализма была воссоздана, реконструирована и переработана, привлекая новые поколения академических интеллектуалов и сторонников в политических и финансово-экономических кругах. Важно отметить, что в неолиберальной «коллективной мысли», поощрялось, чтобы уполномоченные члены сообщества вводили небольшие новшества и даже приукрашивали свои идеи, но без оспаривания доктринальных постулатов данной философско-политической мысли (Mirowski,

---

² Laissez-faire – с франц. букв. оставить как есть, не вмешиваться.

2014: 13). Как будет показано ниже при обсуждении примеров из конкретных стран, данная консолидированная и транснациональная «коллективная мысль» благоприятствовала и даже намеренно создавала условия для эпистемического сдвига (epistemic shift) в изучении экономики как научной дисциплины и экономической политики. Очень часто за свою короткую интеллектуальную историю неолибералы скрывали свои истинные философско-доктринальные идеи и реальных политических союзников от широкой общественности. Использовался «скрытый язык», особенно учитывая, что сама неолиберальная философия представляет комбинацию различных и зачастую соперничающих идей. Как объясняет Миrowsки, для пропаганды и распространения идей неолиберализма и достижения политических целей для сторонников данной доктрины особенно характерно говорить одно, но подразумевать другое. Неолибералы всегда верили, что «рынок знает лучше», но люди никогда добровольно не примут это за правду. Люди будут сопротивляться полной покорности требованиям т.н. рынка и они никогда добровольно не согласятся раствориться в однообразной единице некоего «человеческого капитала». Они будут сопротивляться идеи, что вместо необходимости расширения политической франшизы, последняя должна быть сокращена. Они будут восставать против условия, что «свобода выбора» на самом деле означает отказ от политических и экономических прав и способности самим избирать жизненный путь, личный или целой страны. Неолиберальные идеи и то, что за ними скрывается на самом деле было бы очень трудно продвигать в свободном обществе равноправных людей. На много легче избежать всего этого с помощью упрощенной риторики, которая затуманит массовое сознание: «государство – это всегда плохо»; «без иностранных инвестиций нет технологического развития»; «свободная торговля обогащает всех»; «все, что вам надо знать заключается в «невидимой руке рынка» Адама Смита»; «нет таких понятий как класс», но «есть конец истории» (Mirowski, 2014). Такая стратегия по завуалированному распространению определенных идей и в то же время расхождению деклараций от реальных действий и результатов, помогла (и продолжает это делать) неолибералам убедить массовое сознание целых стран в том, что успех данных идей – это результат неких естественных рыночных сил (Fink, 2016: 163). Постепенно оформилась хорошо организованная кампания по популяризации и распространению идей про-рыночных преобразований и

защите частных корпоративных интересов, которые в своей основе направлены на сокращение потенциала человеческой эмансипации.

Мозговым центром данной кампании стало *Общество Монт Пелерин*, идейным вдохновителем которой являлся Фридрих Хайек, автор *Дороги к рабству*. Данное с общество объединило академических работников и богатых спонсоров, придерживающихся политических и философских идеалов раннего либерализма. Как часто бывает с любым идейным течением, первоначально неолиберальное движение объединяло представителей самых разных теоретических школ – либертарианцев, экономистов неоклассической школы, Австрийскую экономическую традицию (Людвиг Мизес и Фридрих Хайек), ордолибералов и Чикагскую экономическую школу (Джордж Стиглер, Франк Найт, Милтон Фридман). В целом, данные научные традиции создали оппозицию для противостояния социалистическим и эгалитарным идеалам «государства всеобщего благоденствия» социал-демократической направленности. Программные установки их научных семинаров, кружков и исследовательских групп совпадали. Например, исследовательская группа Free Market Study (1946-1949), организованная профессором Чикагской юридической школы (Аарон Директор) и спонсировавшаяся Фондом Волкера, придерживающегося правых политических взглядов, имела своей целью «формулировку либеральной экономической программы» (Van Horn and Mirowski, 2010: 200). Это практически совпадает с Фридмановской неолиберальной доктриной Чикагской школы – «экономическая свобода – это цель сама по себе» (Friedman, 1962: 8). Постепенно Чикагский университет стал центром неоконсервативных интеллектуалов, объединившим политические и идейные аспекты неолиберализма с теоретическими воззрениями неоклассической школы.

К 1980 г. неолибералы и их сторонники стали доминировать на различных экономических факультетах и департаментах престижных университетов Лиги плюща, где обучается будущая политическая и экономическая элита. Другим важным уровнем и условием роста влияния неолиберальных идей о «свободном рынке» стало создание различных фондов и исследовательских центров, которые продвигали и распространяли неолиберальные доктрины в различных странах. Такие «мозговые центры» добивались того самого эпистемического сдвига (epistemic shift) в сознании интеллектуальной и политической элиты этих стран. Для иллюстрации размаха и влиятельности результатов такой

многолетней идеологической обработки, можно отметить следующие неолиберальные вузы: the London School of Economics, L'Institut Universitaire des Hautes Etudes Internationales at Geneva, St. Andrews в Шотландии, Freiburg, the Virginia School, and George Mason University. Специальные исследовательские институты и фонды организованы как благотворительные и филантропические организации и включают: the Volker Fund, the Intercollegiate Society of Individualists, the Foundation for Economic Education, the Lilly Endowment, the Earhart, the Reim, the John M. Olin, the Bradley, the Coors, and the Koch foundations. Среди известных «мозговых центров» the Heritage Foundation, Institute for Economic Affairs, American Enterprise Institute, Swiss Institute of International Studies, the Hoover Institution at Stanford, и один из самых влиятельных центров, который имеет 495 аффилированных с ним исследовательских институтов в 96 странах - Atlas Economic Research Foundation (Mirowski, 2014: 16-18).

Таким образом, после нескольких десятилетий хаотичных и разрозненных экспериментов, к 1980 г. неолиберализм как философско-научная мысль, развилась в оформленное идейное движение, имеющее политические цели и задачи с более менее стройной концепцией. Кульминацией данной политико-философской концепции явился т.н. «Вашингтонский консенсус», который оппортунистически и в зависимости от политической конъюнктуры навязывается и внедряется в различных странах и при очень отличающихся политических режимах, как демократических, так и несвободных – от Эстонии до Китая, от Южной Кореи до Аргентины.

Схематически, ключевые неолиберальные догматы и контуры заключаются в следующем:

1. Рынок является самым эффективным информационным процессором и мерилем всего, поэтому рыночное общество – это естественное состояние общества. Все проблемы и беды, даже если они изначально созданы рынком, могут быть решены в первую очередь рынком и через рыночные взаимоотношения. Как объясняет Harvey (2005), рынок представлен как некое естественное для человеческого вида и необходимость для лучшего функционирования всех социальных и экономических институтов. Такие добродетели, как «индивидуальная свобода» и «человеческое достоинство» связаны и приравнены к свободе рынков, которые якобы гарантируют эти свободы. В данном случае, неоклассическая экономика, с ее методом

формального математического моделирования, представляет возможности рынка как высшего информационного процессора.

2. Хотя зачастую неолибералы представляются как сторонники *laissez faire* капитализма, на самом деле их конечной целью является не разрушение государства как такового (его регуляторных и контрольных функций), а его захват как наиважнейшего политического института, для последующего контроля над ним с целью еще более глубокого внедрения рыночных культуры и институтов. Тот же Harvey (2005) соглашается, что хотя одна из основополагающих идей неолиберализма заключается в сворачивании роли государства, чьи функции должны включать минимальные обязательства перед обществом, результатом все равно остается неолиберальное государство, чья конечная цель заключается в гарантированном функционировании рыночных институтов и интересов корпоративного бизнеса. Неолиберализм – это в первую очередь теория реинжиниринга государства для гарантированного доминирования рынка и самых главных его участников – современных корпораций. Неолибералы согласны с правилом, что они должны политически организовать себя для победы над «сильным правительством», а не просто ожидать его «отмирания» (Van Horn and Mirowski, 2009: 161). Поэтому, на самом деле, государственное принуждение может быть применено для создания и формирования рынков там, где они не существовали.

3. Международные инициативы и формы межгосударственного «сотрудничества» могут быть призваны для принуждения национальных правительств к следованию неолиберальным курсом. После того, как ведущие позиции в МВФ, Всемирном Банке, ВТО и др. международных организациях были заполнены сторонниками неолиберальной доктрины (часто через рекрутирование выпускников из университетов Лиги Плюща) данная задача облегчилась, особенно в отношении «отстающих» и развивающихся стран. Данные организации теперь (как и последние 40 лет) отстаивают и всячески поддерживают «свободную торговлю», плавающие обменные курсы и интересы международного капитала в лице транснациональных корпораций. Очень часто, как будет продемонстрировано на примерах различных стран и Казахстана, неолибералы используют риторику «надвигающегося кризиса» (США, Швеция) и даже создают искусственные кризисы (Южная Корея, Аргентина) для подталкивания к радикальной реструктуризации национальных моделей

экономического развития (Fink, 2016). Ставшие классическими, такие примеры включают Чили после военного переворота под предводительством Пиночета и ЦРУ в 1976 г. и оккупация Ирака в 2003 г., где после этого провели неолиберальные реформы (Klein, 2007).

4. На ментально-культурологическом уровне нарратив о *рынках, частном и консюмеризме* должен заслонить *общественное, политическое и гражданственность*. «Свобода» представляется в негативном понимании как «свобода выбора» для армии потребителей на рыночной площадке, а не граждан страны и как «свобода» для корпораций любой ценой добиваться прибыли. С этой точки зрения, такие свободы являются более важными, чем социальная справедливость. Поэтому, например, свобода передвижения капитала – это один из важнейших догматов данной теории.

5. Неравенство в доходах и в распределении богатства нужно культивировать, так как оно якобы стимулирует конкуренцию, инновации и повышение производительности.

***

Таким образом, неолиберализм – это политико-экономический режим, внедряющий и поддерживающий ничем и нечем неограниченную капиталистическую формацию социальной организации общества. В то же время, данный проект и идеология отличаются от капитализма эпохи Кейнсианского «государства всеобщего благоденствия» (1950-1980 гг.) явным предпочтением нерегулируемых рынков и неконтролируемых и свободных финансов (Larner, 2000). Это анти-тезис Фордистко-Кейнсианскому компромиссу политико-экономических институтов, успешно работавших в 1950-1980 гг. в индустриально развитых странах, обеспечивавших полную занятость и рост доходов для большинства населения (Campbell and Pederson, 2001: 5). Когда в 1970 гг. международная экономическая ситуация стала характеризоваться чередой экономических кризисов (стагфляция и внезапный рост цен на нефть ввиду ближневосточного кризиса), неолиберальная «коллективная мысль» и его организационные инфраструктуры были готовы к мобилизации для эффективной атаки основных международных и национальных институтов, поддерживавших капитализм «встроенного либерализма» (Fink, 2016). В каком-то смысле, неолиберальную контрреволюцию можно рассматривать как старую

новую фазу финансового капитализма, возвращение к эпохе «позолоченного капитализма», начавшегося в 1870 г. и закончившегося в между-военный период 1930 г. Этот период характеризуется нерегулируемым режимом трансграничного движения капиталов. Это эра «золотого стандарта» с очень высокими процентными ставками (номинальная ставка минус уровень инфляции), обеспечивающие высокую доходность финансовым рантье. Этот период также запомнился в истории, как время повсеместно распространённой бедности, роста имущественного неравенства и высокой концентрации богатства в руках меньшинства.

Однако, чтобы понять, благодаря чему неолиберальный капитализм проделал такое триумфальное восшествие, также необходимо кратко обрисовать геоэкономическую ситуацию, которая охватила развитые страны в конце 1970 г. и общий (очередной) кризис капитализма.

2.2. Возникновение Нового глобального финансового порядка

Современная неомарксистская мысль, также использующая в своей основе классическую классовую борьбу как основополагающий элемент критической политической экономии, описывает неолиберализм как политический проект по реорганизации и созданию благоприятных условий для аккумуляции капитала (доходов) и утверждения власти экономических элит или капитала, если использовать классическую терминологию (Harvey, 2005). Данный процесс носит характер социопространственной трансформации и предлагает новый режим социально-экономического управления (Peck et al., 2010). Неолиберальный проект в первую очередь создан для альтернативной социальной и экономической организации общества в тот исторический момент, когда экономическое положение правящих классов стало находиться под угрозой продолжительного упадка (1940-1970 гг). Успешная реализация данного проекта гарантировала восстановление власти самых богатых слоев населения (Dumenil and Levy, 2004a, 2004b). Но такое восстановление не могло произойти только на уровне национального государства (или даже нескольких). Для распределения доходов в пользу верхней страты необходима была мобилизация политических ресурсов как на национальном, так и на международном уровнях. Установление нового международного финансового порядка является центральным элементом в данной схеме. Такая

интерпретация помогает увидеть реальные корни и причины успешного объединения глобального капитала и местных элит и компрадорской буржуазии вокруг неолиберальной политической повестки в контексте новой геоэкономической ситуации. Такой союз объединяет интересы международного капитала, теоретические концепции неоклассической (ставшей мейнстримовской) экономики, а также политически консервативные идеалы и ценности.

В историческом контексте неолиберальную реструктуризацию невозможно понять без понимания глобализации и/или интернализации финансов и разрушения Бреттон-Вудской международной финансовой системы. Финансовая либерализация 1980 гг. во многом является результатом событий 1960-1970 гг., когда международная система организации денежных отношений и торговых расчётов, установленная Бреттон-Вудским соглашением 1944 г. была разрушена (Eatwell and Tylor, 2000; Soederberg, 2004).

После Второй мировой войны ограничительный режим международной финансовой архитектуры и Бреттон-Вудская система обменных курсов являлись краеугольным камнем для поддержания национальных режимов по контролю за капиталом. Данная система обеспечивала приверженность национальных правительств контролю за капиталом и фиксированным обменным курсам. Такой режим также обеспечивал возможность проводить экспансионистскую денежно-кредитную политику для поддержания социально-экономического курса по равномерному распределению национального благосостояния, созданию рабочих мест, равноправной международной торговли и предотвращения финансовых спекуляций.

Первые попытки устранения контроля за движением капиталов были осуществлены через исключение валютного контроля в 1958 г. (Campbell, 2005). В 1950 гг. для снятия некоторых ограничений по контролю за движением капиталов при проведении транзакций на международных рынках, был создан т.н. Евромаркет в Лондоне. Он значительно расширился в 1960 гг., когда банкиры, особенно американские финансисты, поддерживаемые Казначейством и Федеральной резервной системой США, начали пожинать плоды от нерегулируемых операций с капиталом. Между тем, платежный баланс США продолжал ухудшаться из года в год поскольку мировое предложение долларов увеличилось, что, в свою очередь, привело к несоответствию между

номинальной и рыночной стоимостью данной валюты, тем самым открывая возможности для арбитража или спекуляций (Blyth, 2002). В то же время мобильность капитала увеличила давление на доллар. После предпринятых властями мер (например, введение специального налога на транзакции), финансовый капитал США начал массово перетекать на Еврорынок, угрожая подорвать положение Нью-Йорка как центра глобальных операций с капиталом. Давление на доллар США продолжало усиливаться с ростом нерегулируемого капитала, а золото продолжало отток из страны, так как некоторые иностранные государства сочли, что США злоупотребляют своей привилегией эмитента ключевой мировой валюты. В конце концов, в 1971 г. США приостановили конвертируемость доллара и его привязку к золоту. Бреттон-Вудская система обменных курсов и ее ограничительный финансовый порядок прекратили свое существование.

С этого момента, американская политика в отношении того, как реконструировать международную систему обменных курсов и движения капиталов, нашла свое отражение в ее стремлении к *неолиберальному подходу по отмене всех средств контроля над капиталом и созданию системы плавающих обменных курсов* (Helleiner, 1994; Campbell, 2005). Предложения правительств стран Европы и Японии по восстановлению фиксированных обменных курсов, поддерживаемых международной системой, и усилению контроля за движением капитала были отклонены властями США. Когда в феврале 1973 года разразился валютный кризис, США объявили, что к декабрю 1974 года они отменят все меры контроля за движением капитала, но фактически сделали это в январе 1974 года.

Зарождение нового международного финансового порядка предоставило новые возможности для финансирования растущего торгового и бюджетного дефицита США, тем самым сохраняя политическую автономию США перед лицом снижающейся экономической конкурентоспособности. Фактически, в рамках этого нового глобального порядка сменяющие друг друга правительства США резко усилили то, что эксперты называют «структурной властью» (Strange, 1988), с помощью которой «долларовое оружие» используется для переноса бремени по корректировке дефицита текущего счета на зарубежные страны. В результате к 1973 году дефицит текущего счета США в основном сократился. В последующем, США, в интересах своих финансовых рынков и финансового

кругов, наложили вето на предложения по переработке миллиардов нефтедолларов стран ОПЕК (образовавшихся в результате энергетического кризиса) в 1973 году по каналам МВФ. Вместо этого, во имя либерализованных и рыночных финансовых систем, все эти непредвиденные доходы были «переработаны» через частные американские банки в качестве займов развивающимся странам.³

Таким образом, поддержка либерализованного и дерегулированного международного финансового порядка правительством США, как гегемонистской капиталистической страны, была вызвана изменением их глобального положения, когда США приходилось иметь дело с растущим дефицитом бюджета и счета текущих операций в 1960-х годах в результате эскалации войны во Вьетнаме и программы президента Джонсона «Великое общество». Международные финансовые рынки стали для доминирующих США новым источником адаптации к упадку экономической мощи и сохранения гегемонистской позиции в новом финансовом порядке. Это доминирующее положение в новом открытом международном финансовом порядке стало для США основной причиной, по которой правительства этой страны поощряют и поддерживают финансовую либерализацию и дерегулирование как внутри страны, так и за ее пределами. Этот вывод имеет важное значение для понимания того, почему и как глобальная финансовая архитектура, поддерживаемая геополитической мощью США, смогла реструктурировать различные национальные модели. Переход от ограничивающего мобильность капитала Бреттон-Вудского режима, к режиму, способствующему нерегулируемому и свободному движению капитала, также отражал интересы финансового капитала, представленного тем, что можно назвать «комплексом Уолл-стрит и Федеральной резервной системы» (по аналогии с военно-промышленным комплексом). Последний будет играть важную роль в усилении власти и возможностей транснационального финансового класса капиталистов и продвижении его интересов во всем мире. В то же время сторонники неолиберальной политико-экономической парадигмы, которые начали занимать

---

³ Инициатива по переработке нефтедолларов через каналы коммерческих банков исходила от генерального директора Ситибанка Уолтера Ристона, который также известен своим высказыванием в защиту этой политики. «Почему бы и нет, правительства никогда не разоряются» (Blyth, 2002: 188). В конце концов, страны с низкими доходами взяли большие займы, что привело к долговому кризису 1980 гг.

влиятельные административные и политические должности в своих странах, пропагандировали такой либеральный финансовый порядок на том основании, что он якобы будет более эффективно распределять капитал как с внутренних, так и с внешних финансовых рынков. Важно отметить, что неолибералы отвергали опасения по поводу спекулятивных потоков капитала, нарушающих Бреттон-Вудскую систему обменных курсов и тем самым подрывающих способность государства поддерживать благосостояние и прогрессивную политику перераспределения, отдавая предпочтение плавающим обменным курсам в соответствии с ортодоксальными фискальными и монетарными идеалами. Фактически, международные финансовые рынки рассматривались неолибералами как сдерживающая и «дисциплинирующая» сила против вмешательства государства в таких областях, как расширение благосостояния, прогрессивное налогообложение доходов или охрана труда и окружающей среды в условиях все более возрастающей конкуренции глобальной рыночной экономики (Gowan, 1999; Soederberg, 2004).

2.3. Внедрение и закрепление неолиберальной социально-экономической модели в Казахстане

В данном разделе будут представлены некоторые примеры и результаты внедрения и закрепления неолиберальной социально-экономической модели в Казахстане. Полное описание данного процесса выходит за рамки данной работы, поэтому описание процесса неолиберализации госуправления и казахстанского общества будет включать лишь некоторые примеры глубоко укоренившейся идеологии неолиберального порядка в Казахстане. В частности, исходя из общемирового и национального приоритета о выстраивании социально-экономической модели устойчивого развития, в данной части я проанализирую взаимосвязь между глобальной архитектурой международного развития и преобладанием неолиберальной социально-экономической повестки дня в постсоветском Казахстане.

С точки зрения критической политической экономии, постсоциалистический Казахстан стал пространством для экспансии глобального капитала, где неолиберальные проекты развития, такие как Цели устойчивого развития, используются для внедрения неолиберального режима управления. Глобальная архитектура развития (ГАР), основанная на «рыночной

эпистеме», в которой рыночная реструктуризация и коммерческие интересы находятся в центре политических решений, была принята и реализуется в большинстве странах Евразийского региона независимо от их негативного воздействия на социально-экономический прогресс. Случай Казахстана является примером, демонстрирующим, как институционализация неолиберальной социально-экономической повестки дня работает в интересах транснационального капитала, поддерживаемого ГАР и Глобальным финансовым порядком (ГФП) постбреттон-вудской эпохи.

***

В течение последних двадцати пяти лет Казахстан настойчиво и с энтузиазмом проводил радикальные рыночные реформы, как и многие другие посткоммунистические страны Европы и Евразии. Наряду с соседними Россией, Кыргызстаном, Грузией, Украиной и Арменией, Казахстан проводил неолиберальные преобразования, которые включали приватизацию государственных предприятий, либерализацию цен и торговли, развитие нового частного сектора и проведение либеральных земельных реформ (Appel and Orenstein, 2016). В качестве кульминации, ознаменовавшей создание новой старой формы капитализма и присоединение к глобальной архитектуре капиталистического развития, в 2015 году Казахстан вступил в ВТО. Что поразительно, как подчеркивают некоторые эксперты (см. например, Alam and Vanerji, 2000; Yilamu, 2018), так это то, что, стремясь к рыночной и прокапиталистической реструктуризации, республика провела даже более радикальные неолиберальные реформы, чем некоторые восточноевропейские страны или западные социал-демократии. Крайний монетаризм, фактическая приватизация пенсионных накоплений, низкие ставки корпоративного налога, независимость центрального банка и постоянная коммодификация (превращение в товар) общественных ресурсов – неоспоримые догмы в современном социально-экономическом управлении Казахстана. В качестве иллюстрации, Индекс экономической свободы Института Фрейзера демонстрирует, что Казахстан и другие евразийские страны быстро прогрессировали в либерализации своей экономики в 1990-х и 2000-х годах

(Gwartney, Lawson and Hall, 2011).⁴ В Казахстане к началу 2000-х годов уровень экономической либерализации, которая включает торговую и финансовую открытость и приватизацию пенсий, пропагандируемые и продвигаемые международными финансовыми институтами (МФИ), превысил или достиг того же уровня, что и в сильно неолиберализованных странах Латинской Америки и Восточной Азии и Тихого океана (Simmons, Dobbins and Garret, 2006).⁵ В налоговой политике страна отошла от прогрессивного налогообложения к введению фиксированного налога. Единая ставка налога на доходы физических лиц независимо от уровня доходов привела к снижению уровня максимальной предельной ставки налога с 40% до 10% в 2007 году. Это снижение налогов даже более драматично, чем в других постсоветских странах и странах Восточной Европы, которые приняли радикальные неолиберальные программы: в России и Украине максимальная предельная ставка налога упала с 30% и 40%, соответственно, до 13%; в Болгарии и Словакии налоговые ставки упали, соответственно с 24% и 38% до 10% и 19%, соответственно. Точно так же Казахстан стал лидером в снижении корпоративного подоходного налога. Хотя снижение номинальных ставок корпоративного налога является глобальной тенденцией, номинальная ставка в Казахстане составляет 10% по состоянию на 2010 год, что намного ниже, чем в странах Восточной Европы и Запада. В первом случае номинальная ставка корпоративного налога составляет 20% или ниже, во втором - 38,3% (в Германии), 37,3% (в Италии), 35,4% (во Франции) и 35% (в Испании) (Appel and Orenstein, 2016: 323).

Результаты реализации рыночно-ориентированной экономической политики в соответствии с ортодоксальными взглядами неоклассической экономики в Казахстане противоречивы, по крайней мере, для устойчивого развития и подтверждают мнение о том, что в течение последних двадцати пяти лет их основной целью было воспроизводство капиталистического

---

⁴ Некоторые исключения из этой тенденции включают Азербайджан, Узбекистан и Таджикистан, которые осуществили более ограниченную неолиберальную реструктуризацию, но в последствии, как Узбекистан, начали обширные программы по приватизации.

⁵ С 1995 по 2001 год Всемирный банк выделил 5 миллиардов долларов на пенсионную реформу, которая включала переход на частные счета. Вместе с другими международными финансовыми организациями Всемирный банк разработал шаблон для реформ социального обеспечения, оказал техническую помощь и распространил его с консультационными услугами в различных странах Евразии, Восточной Европы и Латинской Америки. Дополнительные 2 миллиарда долларов были предоставлены в виде займов в период с 2002 по 2007 год (Appel and Orenstein, 2016: 321).

неолиберального способа производства (Harvey, 2003; 2005; 2007; 2010; Amin, 2006). Сторонники неолиберализма утверждали, что для «развивающихся рынков» или стран с переходной экономикой - Казахстана, России и стран Центральной Азии - приватизация, либерализация цен и торговли, уход государства с «командных высот» и опора на рыночные силы принесут стабильность и процветание. Однако значительный объем исследований показал, что переход к упрощенной идеологии свободного рынка отрицательно повлиял на социально-экономические условия в этих странах (Saad-Filho and Johnston, 2005; King, 2007). Радикальный неолиберальный подход к посткоммунистической трансформации включал пакет политики «шоковой терапии», оказавшей разрушительное воздействие на казахстанскую экономику и социальную ткань страны. В течение 1990-х и 2000-х годов объемы производства резко снизились, а бедность, неравенство в доходах и благосостоянии резко возросли. До нефтяного бума 2000-х годов бедные ресурсами Беларусь и Узбекистан превосходили по темпам экономического роста неолиберализованные экономики Казахстана и России, которые подверглись «ресурсному проклятию», деиндустриализации и экстенсивной и хищнической добыче своих природных ресурсов в соответствии с теорией «сравнительного преимущества» неоклассической экономики. Внезапная либерализация и дерегулирование цен и внешней торговли, а также меры жесткой экономии программ «стабилизации» вызвали быстрый рост цен на производственные ресурсы и шок предложения для производителей в Казахстане. Совокупный спрос на отечественные товары значительно упал, поскольку в страну вторгся более дешевый импорт после полной либерализации торговли. Власти Казахстана исповедовали жесткую денежно-кредитную политику согласно предписаниям западных советников и недавно обученных отечественных монетаристов, чтобы агрессивно сдерживать инфляцию. Однако из-за жесткой денежно-кредитной политики, сокращения государственных субсидий и дорогих кредитов большинство отечественных фирм столкнулось с проблемами отсутствия денежной наличности и нехваткой капитала для инвестиций. Государственные инвестиции упали до уровня ниже 2% ВВП в Казахстане к 1999 году по сравнению с 7% ВВП в соседнем Узбекистане (Alam and Banerji, 2000: 6). Таким же образом, к 1998 году социальный сектор был серьезно подорван в Казахстане, расходы на образование и здравоохранение

составили всего 3,4% и 2,6% ВВП, соответственно, в то время как в Узбекистане эти цифры составляли 7,2% и 3,3% ВВП (ibid). Свидетельством резкого снижения человеческого развития является то, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Казахстане, в основном из-за быстрого падения ожидаемой продолжительности жизни мужчин, упала до 59 лет в 1998 году по сравнению с 66 годами в Узбекистане. Другие важные социально-экономические индикаторы, подтверждающие регресс и социальный распад в стране, включают рост числа самоубийств среди мужчин, которое составляло 38 случаев на 100 000 мужчин в 1999 году, что более чем в четыре раза больше, чем в Узбекистане, 9 на 100 000 мужчин.

Казахстан выделяется своей приверженностью принципу рыночного фундаментализма в отношении массовой приватизации (Yilamu, 2018). Последнее позволило быстро продать государственные предприятия (ГП) иностранным инвесторам с огромной скидкой или просто бесплатно передать новым отечественным капиталистам. Масштабная программа приватизации в Казахстане была поддержана и реализована в тесном сотрудничестве с агентствами развития, такими как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и Агентство США по международному развитию (USAID) для создания нового класса собственников, якобы способных стать «двигателями экономического возрождения» (Nazarbayev, 2007: 163). Однако очень часто у новых владельцев не было ресурсов и опыта для реструктуризации госпредприятий, чтобы они могли конкурировать на внешних рынках. Без государственных субсидий и поддерживаемой государством политики реиндустриализации в 1990-х годах новые собственники преследовали краткосрочные и корыстные цели и просто распродавали активы, чтобы выжить и для собственного обогащения.

Власти Казахстана постоянно пытаются продвигать изменения, направленные на коммерциализацию земли и расширение прав собственности почти на все типы земель, инициируя третий этап земельной реформы (Hierman and Nekbakhtshoev, 2014).⁶ Это несовместимо с ценностями и традициями

---

⁶ Первый этап земельной реформы (1990-1994 гг.) был направлен на реструктуризацию колхозов и совхозов в более мелкие частные хозяйства и установление прав индивидуального пользования сельскохозяйственными землями. На втором этапе (1995-2002 гг.) был принят закон, позволяющий гражданам Казахстана владеть приусадебными участками в частном порядке. По оценкам, к 2007 г. на

казахстанского общества о коллективной собственности на землю и болезненно воспринимается, о чем свидетельствуют протесты, когда власти инициируют новые реформы по приватизации земли.

3. Ресурсное проклятие и рентный характер экономики

“Ten years from now, twenty years from now, you will see. Oil will bring us ruin” (Juan Pablo Perez Alfonzo, founder of the OPEC in Karl, 1997: xv).

Существует очевидный парадокс, что страны, наделенные изобилием природных ресурсов, показывают худшие результаты, чем страны с ограниченными ресурсами, почти по всем показателям социально-экономических и политических критериев, начиная от экономического роста, человеческого развития, надлежащего управления, гражданского мира и демократии. Богатый словарь используется для описания проблемы управления богатством природных ресурсов: «голландская болезнь», «парадокс изобилия», «ресурсное проклятие», «экономическое несварение желудка», «несовершенное процветание», «экскременты дьявола». В следующих разделах будут обсуждены такие показатели, как экономический рост и задолженность, неэффективное управление и отсутствие дееспособных демократических институтов в странах-экспортерах природных ресурсов. Далее будут описаны причины, приводящие к катастрофическим результатам в государствах-экспортерах сырьевых товаров, с разделением их на внешние и внутренние.

3.1. Низкий экономический рост и задолженность

В целом, в научной литературе признано, что страны-бенефициары богатых ресурсов были неспособны превратить непредвиденные доходы в экономическое процветание и развитие (Lal and Myint, 1996; Sachs and Warner, 1995). Страны, экспортирующие полезные ископаемые или нефть, «страдали от сбоев в производстве, оттока капитала, резкого падения эффективности своих государственных предприятий, двузначной инфляции и завышенного курса валют» (Karl, 1997:4). Между 1960 и 1990 годами бедные ресурсами страны

индивидуальные фермерские хозяйства приходилось 48%, а на корпоративные фермы - 50% всех сельскохозяйственных земель (Hierman and Nekbakhtshoev, 2014: 339).

смогли добиться темпов экономического роста в два-три раза выше, чем государства, богатые ресурсами (Tsalik, 2003). Поразительно то, что разрыв даже увеличился после 1970-х годов, когда цены на нефть выросли почти в десять раз (таблица 2.1) и такие страны, как Алжир, Индонезия, Иран, Нигерия и Венесуэла, испытали феноменальный рост своих национальных сбережений (Таблица 2.2). Такая динамика развития очень напоминает Казахстан в 2000 г., когда высокие цены на нефть и другие...создали иллюзию процветания, особенно в сравнении с соседними странами, такими бывшими республиками СССР, как Кыргызстан, Армения, Грузия, Молдова.

В экономической истории можно найти множество примеров того, как страны с бедными природными ресурсами опережали по развитию страны с богатыми ресурсами (Sachs and Warner, 1995). Например, в 17 и 20 веках бедные ресурсами Нидерланды, Швейцария и Япония опередили такие богатые ресурсами страны, как Испания и Россия. В новейшей истории нехватка природных ресурсов не помешала Гонконгу, Южной Корее, Тайваню и Сингапуру затмить богатые нефтью страны, такие как Мексика, Нигерия и Венесуэла, которые обанкротились. Исключение составляют экспортеры нефти Норвегия и Канада, которые стали богатыми задолго до того, как нефть стала одним из основных источников их дохода. Однако существует эмпирически подтвержденный аргумент о том, что средний доход на душу населения в богатых ресурсами странах был выше, чем в странах с ограниченными ресурсами в начале 1960-х годов (Auty, 2001). На рисунке 2.1 показано, что падение темпов роста ВВП на душу населения в богатых ресурсами странах произошло после нефтяных потрясений 1970-х годов. В то же время произошло ускорение роста ВВП на душу населения в странах с дефицитом природных ресурсов, но с преобладанием обрабатывающей промышленности.

Sachs и Warner (1995) предоставляют статистически обратную и надежную связь между экономическим ростом и интенсивностью использования природных ресурсов. Используя большое количество дополнительных переменных в регрессии межстранового роста, они доказали отрицательное влияние изобилия полезных ископаемых на экономические показатели. Список дополнительных переменных включал торговую политику, волатильность условий торговли, уровень инвестиций, начальный ВВП, неравенство и эффективность бюрократии. Среди 48 стран, для которых нефть составляла

более 30 процентов от общего экспорта, почти половина заняла нижнюю треть Индекса человеческого развития ООН в 2002 г. (Tsalik, 2003:3). Нефть и минеральные ресурсы не только не смогли снизить уровень бедности, но и усугубили ее. Эмпирические данные показывают, что чем больше страна зависит от доходов от экспорта полезных ископаемых и нефти, тем выше в ней показатели детской смертности и недоедания (Oxfam in Tsalik, 2003).

Надеясь, что нефть со временем подорожает, если ее оставить в земле, правительства начали использовать недорогие кредиты, занимая крупные суммы в 1970-х годах (Karl, 1997:29). Поскольку некоторые из них считались особенно кредитоспособными, иностранные банкиры буквально навязывали им кредиты, и эти страны брали займы быстрее, чем другие развивающиеся страны. Долги Нигерии и Венесуэлы выросли более чем на 45 процентов в год; к 1980 году совокупный долг экспортеров нефти составлял почти 100 миллиардов долларов. Долги стали проблемой, когда эти страны стали не успевать за ростом процентных ставок или темпами роста заимствований. К 1994 году общий долг и обслуживание долга экспортеров нефти достигли 274 млрд долларов и 43,5 млрд долларов соответственно (ibid).

3.2. Неэффективное управление и недемократические режимы

Неравномерность структуры петро-государства (от англ. petro-state - нефтегазовое государство) и стран-экспортеров сырьевых товаров усугубляется правительствами, которые неспособны проводить эффективную политику и рациональное экономическое управление. Критика по поводу того, что капиталоемкие природные ресурсы являются основным фактором, определяющим коррупцию, имеет много оснований (Tsalik, 2003:4). Некоторые исследования доказывают, что аккумуляция государством больших прибылей от продажи природных ресурсов поощряет незаконное присвоение и развитие ренты различными политическими группами. Из-за коррупции увеличиваются транзакционные издержки ведения бизнеса, что подрывает другие секторы экономики. Утверждается, что политические лидеры в странах, богатых полезными ископаемыми, больше выигрывают от обширной и непродуктивной деятельности по поиску прибыли и клептократии, чем от долгосрочных усилий по построению свободных от коррупции государств, в которых процветают верховенство закона и демократические институты

(Nafziger and Auvinen, 2002:155). Различные международные исследования типа Global Witness подтверждают, как коррумпированные лидеры наподобие президента Анголы Эдуардо душ Сантуш и президента Экваториальной Гвинеи Теодоро Обианг разграбили свои страны, храня крупные суммы на банковских счетах за рубежом и называя доходы от нефти «государственной тайной» (таблица 2.3). В своих докладах о глобальной коррупции Transparency International показывает, как коррупция и взяточничество наносят ущерб развитию страны.

Многочисленные тематические исследования обнаружили причинно-следственную связь между наличием природных ресурсов и гражданскими войнами. Борьба за контроль над полезными ископаемыми - источник конфликта (Nafziger and Auvinen, 2002). Правители и полевые командиры в Анголе, Сьерра-Леоне, Либерии и Конго-Киншасе использовали эксклюзивные контракты с иностранными фирмами на алмазы для «упорядочения» источников доходов вместо правительств для сбора налогов. Военные нападения и нарушения прав человека используются для обеспечения безопасности трубопроводов. Например, в Бирме военные насильственно переселили несколько деревень, чтобы освободить место для трубопроводов, и использовали принудительный труд для строительства инфраструктуры для трубопроводов. В Судане годы столкновений между правительством и повстанцами из-за нефтяных доходов привели к гибели двух миллионов человек.

Исследования Ross (2001) с использованием различных данных из 113 стран за период с 1971 по 1997 гг. убедительно доказывают, что нефть и другие полезные ископаемые препятствуют развитию и укреплению демократических институтов. Во-первых, утверждение, что «нефть препятствует демократии» обоснованно и статистически достоверно. Более того, наличие нефтяных запасов наносит больший ущерб демократии в бедных странах, чем в богатых. Во-вторых, нефтяное богатство затруднило демократизацию не только на Ближнем Востоке, как раньше считали специалисты, но и в таких странах, как Индонезия, Малайзия, Мексика и Нигерия. В-третьих, не углеводородные минеральные богатства также препятствуют демократизации, как показали примеры Анголы, Чили, Конго, Камбоджи и Перу. В-четвертых, имеются явные причинно-следственные механизмы, связывающие природное богатство и авторитаризм: эффект рантье, эффект репрессий и эффект модернизации. Все

эти эффекты могут взаимодействовать друг с другом, создавая «ресурсную ловушку», поскольку авторитарные режимы могут быть менее способны разрешать внутренние конфликты и создают основу для них и даже для гражданских войн. Таким образом, образуется порочный круг: медленный экономический рост затрудняет решение внутренних проблем, а экономический хаос, в свою очередь, вызывает еще больше внутривнутриполитических конфликтных ситуаций.

Даже при всей политической ангажированности некоторых международных агентств, трудно не признать, что Казахстан мало продвинулся в деле укрепления таких демократических институтов, как развитое и независимое профсоюзное движение и гражданское общество.

3.3. Причины возникновения «ресурсного проклятия»

3.3.1. Экзогенные причины

Аргумент о том, что долгосрочное снижение цен на экспортные сырьевые товары неизбежно, имеет серьезное основание ввиду все более широкого применения возобновляемых источников энергии, использования синтетических материалов, низкой эластичности спроса на сырье и сокращения содержания сырья в готовой продукции (при вторичной переработке) (Auty, 2001). Для развивающихся стран Глобального Юга, полагающихся на экспорт полезных ископаемых, олигополистические рынки означают, что повышение производительности передается потребителям на Севере в виде более низких цен. Следовательно, существует долгосрочная тенденция к экономическому ухудшению условий торговли минеральными ресурсами по сравнению с промышленными товарами, импортируемыми странами-экспортерами ресурсов.

Второе экзогенное объяснение включает явление, известное как «голландская болезнь», которое обычно следует за ростом цен на сырье и имеет три отдельных эффекта: эффект расходов; эффект относительной цены; и эффект движения ресурсов (Auty, 1993; Corden and Neary, 1982). Во-первых, резкий рост экспорта повышает стоимость валюты этой страны; во-вторых, бурно развивающийся сектор ресурсов отвлекает рабочую силу и капитал из сельскохозяйственного и обрабатывающего секторов, что увеличивает их производственные затраты. В результате местные товары становятся более дорогими и менее конкурентоспособными по сравнению с импортными.

Например, в Нигерии и Индонезии нефтяной бум разрушил некогда процветающие сельскохозяйственный сектор и трудоемкую резинотехническую промышленность соответственно.

Третье экзогенное объяснение дается теорией экспортной базы, согласно которой различия в производственной функции основных продуктов в центре. Основные продукты с капиталоемким производством создают связи, неблагоприятные для роста. Основная рабочая сила состоит из дешевой рабочей силы, и в результате неравномерного распределения доходов рынок для потребительских товаров местного производства ограничен. Поскольку каждый сектор в стране, экспортирующий природные ресурсы имеет тенденцию функционировать как государство в государстве, фискальные связи (государственное расходование налоговых поступлений) также не стимулируются, потому что у таких производственных единиц мало стимулов для уплаты налогов для улучшения внутренней социально-экономической инфраструктуры. Как обратные, так и прямые производственные связи ограничены, поскольку ресурсы, не относящиеся к сфере труда, обычно импортируются, в то время как дальнейшая переработка полезных ископаемых (основных продуктов), как правило, происходит за рубежом. Как обратные, так и прямые производственные связи ограничены, поскольку ресурсы, не относящиеся к сфере труда, обычно импортируются, в то время как дальнейшая переработка полезных ископаемых (основных продуктов), как правило, происходит за рубежом. Таким образом, экономика, скорее всего, останется узкоспециализированной и ориентированной на вывоз природных ресурсов.

3.3.2. Внутренние причины

Провалы в управлении и экономической политике считаются основной причиной неэффективности богатых ресурсами стран. Lal and Myint (1996) показывают, что неумелая экономическая политика сильно влияет на эффективность инвестиций. Амбициозные интервенции и ущербные торговые режимы способствуют долгосрочному спаду в странах, богатых природными ресурсами. Политическое руководство стран-экспортеров нефти имеют тенденцию запускать амбициозные дорогостоящие проекты, пытаясь использовать непредвиденные доходы. Трудно оправдать политику «экономии на черный день», когда страна сталкивается с ожиданиями увеличения доходов

и расходов. Например, в 1973-1974 гг. государственные расходы Ирана и Венесуэлы подскочили на 58,3 и 75,5 процента, соответственно (Karl, *ibid*: 25). Если цены на нефть или полезные ископаемые резко меняются, что является обычным для сырьевых товаров, бюджеты, основанные на определенных ценах, начинают испытывать давление. Сокращение расходов чувствительно для населения страны и определённых групп, зависящих от государственного бюджета, и поэтому непопулярно среди политиков. Получается «порочный круг»: им приходится брать новые кредиты по невыгодным ставкам для реализации своих дорогостоящих проектов.

Более глубоко укоренившаяся проблема заключается в том, что экспорт сырьевых товаров может вбить клин между государством и населением, потому что правительство может собирать доходы без налогообложения населения и, следовательно, участие граждан в управлении ограничено (Tsalik, *ibid*.). Тем не менее, налогообложение считается наиболее важной политической связью между правительством и его гражданами. Например, исторически расширение политической франшизы (права голоса и т.д.) во многом базируется на принципе «Нет налогообложения без представительства», как это случилось во времена революции в североамериканских колониях английской короны. Регулирующие функции государства часто недоразвиты, а распределительные - раздуты. В результате плохого планирования и неадекватной информации потраченные впустую траты являются обычным явлением во многих государствах-рантье. Однако, поскольку правительство не зависит от своих граждан, оно фактически не подотчетно им, и общественность не может влиять на формирование целей и задач государства. Тратить деньги во время «нефтяного бума» становится единственным способом легитимации политического режима. Как только льготы и различные привилегии для социальных групп населения отменяются (например, во время падения цен на сырьевые товары или административных и экономических реформ) такие, по сути, клиентские классы и группы населения мобилизуют оппозицию режиму.

В научной литературе, подтверждённой различными эмпирическими данными, считается общепризнанным, что зависимость от природной ренты создает периферийные государства-рантье, которым особенно тяжело изменить траектории своего развития. Институализированные частные интересы и государственная бюрократия заинтересованы в сохранении статус-кво и

предотвращении любых реформ, которые могут поставить под угрозу их паразитическое поведение, ориентированное на получении ренты. Государства, в которых не созданы компетентное государственное управление и демократические институты, еще более уязвимы для «ресурсного проклятия».

Существует тесная связь между распределительным характером ренты стран-экспортеров нефти и отсутствием в них демократии (Tsalik, *ibid.*). Их правительства сопротивляются прозрачности, которая может раскрыть сети и механизмы перераспределения доходов от выручки природных ресурсов, которые зачастую имеют коррупционную основу. Централизация власти правительства по контролю за доходами совпадает с желанием нефтяных компаний (местных и транснациональных) получить контракты. Лидеры таких стран пытаются купить поддержку и легитимность для своей власти, создавая потенциал для социальных потрясений и политической нестабильности, которые становятся почти неизбежными из-за резких колебаний цен на сырьевые товары.

Одну из основных причин такого исхода можно объяснить концепцией «государства-рантье». Mahdavy (1970: 428) дает классическое значение этого понятия: страна, которая регулярно получает значительные суммы внешней ренты от «иностранных лиц, концернов или правительств». Предварительные условия для определения государства как рантье включают: ренту платят иностранные субъекты; рента начисляется непосредственно государству; только относительно ограниченный круг допущен к распределению ренты (Beblawi and Luciani, 1987: 51). Как отмечалось ранее, причинные механизмы, связывающие управление полезными ископаемыми и недемократические режимы, включают эффекты рантье, репрессии и модернизации.

Эффект рантье означает, что правительства используют доходы от нефти и полезных ископаемых для ослабления социального давления и препятствия требованиям отчетности и прозрачности. Этот эффект, в свою очередь, состоит из *эффектов налогообложения, расходов и формирования групп* (Ross, 2001). Первое означает, что правительства, получающие огромную ренту, с меньшей вероятностью будут облагать своих граждан высокими налогами. Снова возникает очевидный парадокс: выгода от отсутствия налогообложения превращается в жизнь при репрессивном правительстве, которое в конечном итоге работает хуже. Эффект расходов означает, что огромная часть доходов

тратится на покровительство различных социальных групп, чтобы купить легитимность для режима и ослабить давление в пользу демократизации. Эта стратегия прослеживается в большинстве стран-экспортеров природных ресурсов, например, в таких как, Саудовская Аравия, Российская Федерация, Азербайджан, Венесуэла, Ливия, Мексика и др. Эффект группообразования подразумевает, что из-за нефтяного богатства формирование социального капитала затруднено и, таким образом, блокируется переход к демократии. Этот эффект основан на аргументе Putnam (1993) о том, что формирование социального капитала является необходимой предпосылкой для продвижения более демократического управления.

В отличие от эффекта рантье, который объясняет, как покупается легитимность, что делает правительства неподотчетными перед собственными гражданами, эффект репрессии по определению означает, что ресурсы непропорционально расходуются на внутреннюю безопасность и создание полицейского государства, чтобы заблокировать любые диссидентские мнения и демократические устремления (Ross, 2001). На пост-советском пространстве такими характеристиками все больше обладают Туркменистан, Азербайджан и РФ, обладающие большими запасами углеводородного сырья.

4. Главное заключение

На этом фоне авторы, использующие теорию классовой борьбы, описывают процесс неолиберализации как, по сути, политический проект по организации благоприятных условий для накопления капитала, что восстановит или воссоздаст власть экономических элит (Harvey, 2005: 19). Проект, который предоставил набор идей и средств для восстановления классовой власти этих элит (Dumenil and Levy, 2004a), подавляющее большинство которых представляют Глобальный Север. Этот процесс также определяется как проект по социо-пространственной трансформации, который предлагает новый режим социально-экономического управления (Peck et al., 2010: 95). Таким образом, неолиберальный проект - это концепция, которая возникла с целью предложить, прежде всего, альтернативную социальную организацию правящим классам Глобального Севера в конкретный исторический момент (1970-1980 гг.), когда их богатство и накопление доходов находились под угрозой длительного упадка. Для политических элит восточного блока и бывших советских республик, таких

как Казахстан, проект неолиберального капиталистического способа производства создал возможность для накопления и аккумуляции частной прибыли. Распад Советского Союза создал новые перспективы не только и не столько для зарождающегося класса предпринимателей, сколько для компрадорских классов в странах Евразии для личного обогащения за счет принятия правил глобальных рынков капитала и приверженности принципам «свободного» рынка. В эпоху после Холодной войны успешное воспроизводство нового политико-экономического режима восходящего (для местного правящего класса) и внешнего (для Глобального Севера) распределения доходов также требует постоянного продвижения интересов глобального капитала.

Успешная реализация неолиберальной концепции гарантировала восстановление классового доминирования наиболее богатыми слоями (на Глобальном Севере), а также новой политической и деловой элитам (на Глобальном Юге), сформировавшейся в различных национальных условиях. Было бы неверно рассматривать происходящие в Казахстане изменения, в части успешного установления неолиберального порядка в политической экономике страны, лишь с точки зрения каких-то местных особенностей и условий. Различные ресурсы (политические, финансовые, геоэкономические), которые были мобилизованы для создания механизмов для обогащения правящих классов (восходящее распределение доходов), были задействованы как на национальном, так и на глобальном уровнях (Dumenil and Levy, 2004a). Центральное место в этих усилиях занимает установление нового международного финансового порядка. Такая интерпретация помогает понять генеалогию неолиберализма и его закрепление в новых независимых странах в эпоху после Холодной войны: неолиберальная политическая повестка объединяет интересы правящих классов во всем мире, набор концепций неоклассической экономики и ориентированных на бизнес и свободный рынок ценностей и убеждений, позволяющих использовать финансы в качестве инструмента для распределения доходов в пользу такого меньшинства (восходящее распределение доходов).

В то же самое время, поскольку «растущая маркетизация общества соответствует возрастающей *деполитизации* общества» [его курсив] (Wagner, 2015: 35), политическая борьба и требования демократических преобразований в Казахстане заменяются идеологией консюмеризма (потреблением) и

политической апатией, поддерживаемые политическими репрессиями. В то время как на протяжении всего постсоветского периода в стране постоянно поддерживался неолиберальный дискурс и его якобы модернистские изменения, рыночная реструктуризация проводилась в интересах появившегося компрадорского класса и глобального капитала и в соответствии с принципами неоклассической экономики затронула все аспекты общества и государственного управления. Основная цель и мотивация неолиберальной реструктуризации, которая происходит в любой стране, включая Казахстан – это не социально-экономический прогресс и не создание эффективной и ориентированной на всеобщее благосостояние рыночной экономики, основанной на социал-демократических ценностях эгалитаризма. По некоторым оценкам, Казахстан превратился в страну с крайне неравномерным распределением доходов и богатства, где пятьдесят самых богатых людей владеют примерно 50% совокупного богатства взрослого населения или 16% номинального ВВП (KPMG, 2019). В этом чрезвычайно регрессивном режиме распределения доходов 162 человека или 0,001% от всего населения (более 18 миллионов человек) имеют состояние более 50 миллионов долларов каждый, или 50% от общего богатства населения (ibid).

...В ретроспективе можно сказать, что «массовая приватизация» вместе со снижением налоговой базы ослабила казахстанское государство, в котором бюрократия в условиях слабой защиты прав собственности создала патронажно-коррупцированную систему отношений с бизнесменами. Неопатримониализм, как научная концепция, объясняющая авторитарный характер и широко распространенную коррупцию во многих странах Евразии, стала реальностью в Казахстане (Erdmann and Engel, 2007; Laruelle, 2012).

В случае с Казахстаном, при макро-системном анализе, необходимо учитывать наличие огромных запасов углеводородных и др. природных ресурсов. Правящий режим делал и делает огромную ставку на постоянный экспорт такого сырья. Таким образом, различные группы теорий (когнитивные, социальные и статистические) объясняют склонность государств с различными политическими системами к принятию и поддержанию определенной фискальной и экономической политики в управлении своими природными ресурсами. Например, когнитивные подходы предполагают, что изобилие

ресурсов вызывает близорукость и менталитет «быстрого обогащения» среди государственных и частных субъектов. Социальные теории во главу угла ставят пагубное влияние привилегированных классов, секторов, клиентских сетей и групп интересов, которые поддерживают политику, препятствующую устойчивому росту и диверсификации экономики. С точки зрения политической экономии, теоретические концепции «ресурсного проклятия» представляют собой смесь двух упомянутых теорий и институциональных аргументов, которые объясняют, как ресурсная рента наносит ущерб способности государства содействовать устойчивому экономическому росту и превращает его в государство-рантье. По моему мнению, такой гибридный подход необходимо применить в изучении и понимании структурных проблем Казахстана: экспорт сырьевых товаров влияет на институциональное развитие, создает ущербные модели государственного управления и налогообложения, снижает способность поддерживать и мобилизовать ресурсы. Можно утверждать, что государства-рантье имеют общие характеристики. При сравнительном анализе, такие разные страны, как Венесуэла и Нигерия, Саудовская Аравия и Индонезия, Туркменистан и Россия демонстрируют аналогичный «структурный выбор», детерминированный способом, каким эти страны получают свои основные доходы – вывоз и продажа сырья.

Во-первых, эти государства зависят от экспорта сырьевых товаров. Это ставит их в невыгодное положение от условий международной торговли и делает уязвимыми при нестабильности экспортных поступлений, что имеет негативные последствия для уровней инвестиций, темпов роста и инфляции. Общеизвестно, что классическая рикардианская модель «сравнительного преимущества» не работает для экспортеров природных ресурсов, поскольку этим «товарам обычно не хватает динамизма на мировых рынках» (UNCTAD, 2002:53 in Dicken, 2003). Кроме того, поскольку цены на промышленные товары обычно растут быстрее, чем цены на сырьевые товары, условия торговли противоречат интересам стран-экспортеров нефти и др. природных ресурсов и больше благоприятствуют производителям промышленных товаров. Это означает, что страны, зависящие от экспорта минеральных ресурсов должны экспортировать больше, чтобы покупать такое же количество товаров или даже меньшее количество для поддержания привычного уровня потребления.

Во-вторых, промышленные секторы государства-рантье очень капиталоемкие и, как правило, располагаются в анклавах. В результате их экономика с относительно высокой заработной платой характеризуется высоким уровнем безработицы и контролируется иностранцами (транснациональными корпорациями), которые предоставляют необходимый капитал и технологии. Например, в отличие от агропромышленного сектора, в нефтяном секторе может быть занято от 1 до 2 процентов рабочей силы страны. Иностранные транснациональные корпорации также репатрируют свою прибыль вместо того, чтобы инвестировать ее в местную экономику, в то время как страна остается с разрозненными географическими анклавами, которые мало связаны с другими частями экономики.

В-третьих, полагаться на сырьевые товары рискованно, поскольку они истощаемы и не возобновляются. Это означает, что решение об извлечении полезных ископаемых и оставлении их в земле зависит как от ожидаемой нормы прибыли на инвестиции, так и от прогнозируемых цен на такое сырье.

В-четвертых, природные ресурсы обычно приносят огромную ренту. Однако эта рента не имеет ничего общего с общей производительностью национальной экономики. В условиях слабо развитых демократических институтов и отсутствия эффективного общественного контроля даже самая образованная технократия и государственный аппарат не способны эффективно использовать такую ренту. В таких странах, как Казахстан и Российская Федерация это выливается в инициирование многомиллиардных проектов («белых слонов»), имеющих очень низкую финансовую отдачу и эффект для реального социально-экономического развития. Так, за последние 10-15 лет страна ввязывалась в такие многомиллионные (если не миллиардные) проекты, как проведение ЭКСПО, международных олимпиад и строительство новых городов-спутников (вокруг Алматы). И это не считая таких проектов, как строительство легко-рельсовой транспортной системы в г. Нур-Султане, которая фактически заморожена, а если и будет когда-либо построена будет иметь откровенно затратный характер, не совместимый с той пользой, которую такие транспортные системы приносят в многомиллионных городах.

Наконец, доходы от добычи полезных ископаемых напрямую передаются государству или, если быть точнее, тем привилегированным группам, которые контролируют госаппарат. Поскольку эта рента не передается через сложные

внутренние механизмы взаимодействия различных экономических субъектов, государства, занимающиеся добычей полезных ископаемых, являются государствами-перераспределителями или государствами-рантье. Это, в свою очередь, означает, что государство не подотчетно своим гражданам, поскольку правительство не зависит от внутреннего налогообложения или малого и среднего предпринимательства своих граждан. В конце концов, это только снижает возможности государства и делает его объектом хищнического поиска ренты и создания системной коррупции внутри и вне государственных институтов.

References

- Adelman, S. (2018). The sustainable development goals, anthropocentrism and neoliberalism. In D. French & L. Kotze (Eds.), *Sustainable development goals*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.
- Alam, A., & Banerji, A. (2000). *Uzbekistan and Kazakhstan: a tale of two transition paths*. World Bank Policy Research Working Paper, (2472).
- Amin, S. (2006). The millennium development goals: A critique from the south. *Monthly Review*, 57(10), 1.
- Alam, A., & Banerji, A. (2000). *Uzbekistan and Kazakhstan: a tale of two transition paths*. World Bank Policy Research Working Paper, (2472).
- Appel, H. & Orenstein, M. A. (2016). Why did neoliberalism triumph and endure in the post-communist world? *Comparative Politics*, 48(3), 313-331.
- Barry, M. P. (2009). Foreign direct investments in Central Asian energy: A CGE model. *Eurasian Journal of Business and Economics*, 2(3), 35-54.
- Beblawi, H., and Luciani, G. (1987). *The rentier state*. New York: Croom Helm
- Biebricher, T. (2018). *The political theory of neoliberalism*. Stanford: Stanford University Press.
- Birch, K. & Mykhnenko, V. (Eds.). (2010). *The rise and fall of neoliberalism*. London: Zed Books.
- Blyth, M. (2002). *Great transformations: Economic ideas and institutional change in the twentieth century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Campbell, A. (2005). The birth of neoliberalism in the United States: A reorganisation of capitalism. In Saad-Filho, A. & Johnston, D. (Eds.), *Neoliberalism. A critical reader* (pp. 187-198). London: Pluto Press.
- Campbell, J., & Pedersen, O. (Eds.). (2001). *The rise of neoliberalism and institutional analysis*. Princeton: Princeton University Press.
- Corden, M and Neary, J. P. (1982). Booming sector and Dutch disease economics: a survey. *Economic Journal*, 92, 862-44.
- Carruthers, D. (2001). From opposition to orthodoxy: the remaking of sustainable development. *Journal of Third World Studies*, 18(2), 93-112.

- Dicken, P. (2003). *Global shift: Reshaping the global economic map in the 21st century*. London: Sage Publications.
- Dumenil, G., & Levy, D. (2004a). *Capital resurgent. Roots of the neoliberal revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dumenil, G., & Levy, D. (2004b). The economics of US imperialism at the turn of the 21st century. *Review of International Political Economy*, 11(4), 657-676.
- Dahl, R. A., & Lindblom, C. E. (1953). *Politics, economics and welfare. Planning and politico-economic systems resolved into basic social processes*. New York: Harper & Row.
- Eatwell, J., & Taylor, L. (2000). *Global finance at risk. The case for international regulation*. New York: The New Press.
- Erdmann, G., & Engel, U. (2007). Neopatrimonialism reconsidered: Critical review and elaboration of an elusive concept. *Commonwealth & Comparative Politics*, 45(1), 95-119.
- Fink, B. (2016). How neoliberalism got organized: a usable history for resisters, with special reference to education. *The Good Society*, 25(2-3), 158-171.
- Fletcher, R., & Rammelt, C. (2017). Decoupling: A key fantasy of the post-2015 sustainable development agenda. *Globalizations*, 14(3), 450-467.
- Friedman, M. (1962). *Capitalism and freedom*. Chicago: University of Chicago Press.
- Gwartney, J., Lawson, R., & Hall, J. (2011). Economic Freedom of the World: 2011 Annual Report. *Economic Review*, 11(3), 165-178.
- Gowan, P. (1999). *The global gamble: Washington's Faustian bid for world dominance*. London: Verso.
- Harvey, D. (2003). *The new imperialism*. Oxford: Oxford University Press.
- Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Harvey, D. (2007). Neoliberalism as creative destruction. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 610, 22-44.
- Harvey, D. (2010). *The enigma of capital and the crises of capitalism*. London: Profile Books.

- Helleiner, E. (1994). *States and the reemergence of global finance. From Bretton Woods to the 1990s*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Hierman, B., & Nekbakhtshoev, N. (2014). Whose land is it? Land reform, minorities, and the titular “nation” in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. *Nationalities Papers*, 42(2), 336-354.
- Isaacs, G. (2011). Contemporary financialization: A Marxian analysis. *Journal of Political Inquiry*, 4, 1-33.
- Laruelle, M. (2012). Discussing neopatrimonialism and patronal presidentialism in the Central Asian context. *Demokratizatsiya*, 20(4), 301.
- Lal, D. and Myint, H. (1996). *The political economy of poverty, equity and growth*. Oxford: Clarendon Press
- Lippmann, W. (2005 [1937]). *The good society*. With an introduction by Gary Dean Best. London: Routledge.
- Klein, N. (2007). *The shock doctrine: The rise of disaster capitalism*. London: Allen Lane.
- Mahdavy, H. (1970). The patterns and problems of economic development in rentier states: The case of Iran. In Cook, M., *Studies in economic history of the Middle East*, London: Oxford University Press.
- Miller, D. (2010). How neoliberalism got where it is: Elite planning, corporate lobbying and the release of the free market. In K. Birch & V. Mykhnenko (Eds.), *The rise and fall of neoliberalism* (pp. 23-41). London: Zed Books.
- Mirowski, P. (2005). A revisionist’s view of the history of economic thought: Interview with Philip Mirowski. *Challenge*, 48(5), 79-94.
- Mirowski, P. (2014). The political movement that dared not speak its own name: The neoliberal thought collective under erasure (Institute for New Economic Thinking Working Paper No. 23). Retrieved from <https://www.ineteconomics.org/uploads/papers/WP23-Mirowski.pdf>
- Mirowski, P., & Plehwe, D. (Eds.). (2009). *The road from Mont Pelerin: The making of the neoliberal thought collective*. Cambridge: Harvard University Press.

- Nafziger, E. W. & Auvinen, J. (2002). Economic development, inequality, war and state violence. *World Development*, 30(2):153-163
- Larner, W. (2000). Neo-liberalism: policy, ideology, governmentality. *Studies in political economy*, 63(1), 5-25.
- Karl, T. L. (1997). *The paradox of plenty: Oil booms and petro-states*. Berkeley: University of California Press.
- King, L. P. (2007). Does neoliberalism work? Comparing economic and sociological explanations of postcommunist performance. *Economic Sociology: The European Electronic Newsletter*, 8(2), 10-17.
- KPMG (2019). *Private equity market in Kazakhstan*. KPMG in Kazakhstan and Central Asia, May 2019. Retrieved from <https://home.kpmg/kz/en/home/insights/2019/09/private-equity-report.html>
- Peck, J., Theodore, N., & Brenner, N. (2010). Postneoliberalism and its malcontents. *Antipode*, 41, 94-116.
- Peet, R. (2003). *Unholy trinity: The IMF, World Bank and WTO*. London: Zed Books.
- Peck, J., Theodore, N., & Brenner, N. (2010). Postneoliberalism and its malcontents. *Antipode*, 41, 94-116.
- Putnam, R. (1993). *Making democracy work: Civic tradition in modern Italy*. Princeton: Princeton University Press
- Nazarbayev, N. (2007). *The Kazakhstan Way*. London: Stacey International
- Næss, P., & Høyer, K. G. (2009). The emperor's green clothes: growth, decoupling, and capitalism. *Capitalism Nature Socialism*, 20(3), 74-95.
- Sachs, J. & Warner, A. (1995). *Natural resource abundance and economic growth*, Working Paper 5398, Cambridge, Natural Bureau of Economic Research
- Saad-Filho, A., & Johnston, D. (Eds.). (2005). *Neoliberalism: A critical reader*. London: Pluto Press.
- Saad-Filho, A., & Johnston, D. (2005). Introduction. In A. Saad-Filho & D. Johnston (Eds.), *Neoliberalism. A critical reader* (pp. 1-6). London: Pluto Press.

- Simmons, B. A., Dobbin, F., & Garrett, G. (2006). Introduction: The international diffusion of liberalism. *International Organization*, 60, 781-810.
- Soederberg, S. (2004). *The politics of the new international financial architecture. Reimposing neoliberal domination in the Global South*. London: Zed Books.
- Strange, S. (1988). *States and markets: An introduction to international political economy*. London: Pinter.
- Supiot, A. (2012). *The spirit of Philadelphia. Social justice versus the total market*. London: Verso.
- Tsalik, S. (2003). *Caspian oil windfalls: who will benefit?*, Central Eurasia Project, New York, Open Society Institute
- Turner, R. S. (2007). The 'rebirth of liberalism': The origins of neo-liberal ideology. *Journal of Political Ideologies*, 12(1), 67-83.
- Ross, M. (2001). Does oil hinder democracy?, *World Politics*, 53(April), 325-61
- United Nations Environment Programme. (2014). *Decoupling 2: Technologies, opportunities and policy options*. Nairobi: Author.
- Van Horn, R., & Mirowski, P. (2009). The rise of the Chicago School of Economics and the birth of neoliberalism. In P. Mirowski & D. Plehwe (Eds.), *The road from Mont Pelerin* (pp. 139-180). Cambridge: Harvard University Press.
- Van Horn, R., & Mirowski, P. (2010). Neoliberalism and Chicago. In R. Emmett (Ed.), *The Elgar companion to the Chicago school of economics* (pp. 196-206). Cheltenham: Edward Elgar.
- Yilamu, W. (2018). *Neoliberalism and post-Soviet transition*. Palgrave Macmillan.
- Wanner, T. (2015). The new 'passive revolution' of the green economy and growth discourse: Maintaining the 'sustainable development' of neoliberal capitalism. *New Political Economy*, 20(1), 21-41.
- Weber, H. (2014). When goals collide: Politics of the MDGs and the post-2015 sustainable development goals agenda. *SAIS Review of International Affairs*, 34(2), 129-139.

Auty, R. (1993). *Sustaining development in mineral economies. The resource curse thesis*. London: Routledge

Auty, R. (1995). *Patterns of development. Resources, policy and economic growth*, London: Edward Arnold

Auty, R. (1997). Natural resource endowment, the state and development strategy. *Journal of International Development*, 9(4): 651-663

Auty, R. (2001). *Resource abundance and economic development*. New York: Oxford University Press